

УДК 930.253

doi 10.17072/2219-3111-2018-3-125-134

АРИСТОКРАТИЗМ ПО-СОВЕТСКИ, ИЛИ СВАДЕБНЫЕ ФОТОГРАФИИ С ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

М. М. Чудинова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
mari-marchi@rambler.ru

Свадебные фотографии 1980-х гг. анализируются с историко-антропологической точки зрения. Методологическим основанием служит работа И. Нарского «Фотокарточка на память: семейные истории, фотографические послания и советское детство». Каждый фотоснимок понимается как «фототекст», состоящий из системы визуальных и вербальных кодов, требующих декодирования и интерпретации. Расшифровка «фототекста» позволяет извлечь из «тела» фотографий множество явных и скрытых смыслов, отсылающих к содержанию позднесоветской культуры. При помощи визуального анализа автор разбирает содержимое фотоснимков – одежду новобрачных, их позы, выражение лиц, свадебные атрибуты, фон. Затем для понимания культурных смыслов, заложенных в изображениях, дается небольшой исторический экскурс, поясняющий причины формирования в конце 1960-х гг. советского свадебного обряда нового типа и сопутствующих ему изменений в ритуальном поведении, одежде и самопрезентации новобрачных. Автор выделяет визуальные коды, в которых зашифрованы представления о том, как должен выглядеть торжественный акт бракосочетания и люди во время церемонии. Речь идет о высшей степени иерархичности «нового» свадебного обряда в системе советских праздников. Автор приходит к выводу, что советские свадебные фотографии по своей сути – демонстрация успешного прохождения переломного этапа в жизненном сценарии «простого советского человека». На основе расшифрованных визуальных кодов обосновывается тезис о том, что свадьба эпохи «позднего социализма» по своему содержанию есть ни что иное как культурная инсценировка, так называемый «аристократизм по-советски». По мнению автора, образцы подобного поведения были позаимствованы из русской классической литературы и её экранизаций в советском кинематографе.

Ключевые слова: аристократизм по-советски, фотография, свадьба, визуальный, вербальный код.

«Полистаем такие наивные фото...»

Если обратиться к интернету, можно увидеть, что тема советской свадьбы – одна из самых популярных среди пользователей, ностальгирующих по советскому прошлому. Различные сайты, аккумулирующие информацию о советской культуре и образе жизни, предлагают вниманию зрителей свадебные фотографии ушедшей эпохи. Например, на сайте «Made in СССР» автор поста с фотографиями отмечает: «Многие считают, что старые советские фотографии простодушны и немного глуповаты, к тому же не отличаются особым качеством» [Свадебные фотографии советского прошлого, 2016]. Но тут же приглашает пользователей насладиться увиденными изображениями: «Давайте же сделаем экскурс в советское прошлое и полистаем такие наивные и такие добрые свадебные фото, наполненные радостью того момента и верой в светлое будущее» [Свадебные фотографии советского прошлого, 2016]. Или же автор колонки на сайте модного журнала «Mylitta», предлагая зрителю оценить фотографии советской свадьбы, заранее высказывает оценочное суждение: «Посмотрите на фото этой советской свадьбы – как все скромно, если не сказать убого» [Свадьба в СССР – подборка фото, 2015]. Здесь идет речь о внешней невыразительности советских свадебных фотографий по сравнению с современными. Но именно эти фотографии притягивают взгляд и вызывают желание разглядывать их более внимательно.

Семейные фотоальбомы большинства современных россиян хранят в себе множество свадебных фотографий ушедшей советской эпохи. Эти фотоснимки наполнены многочисленными ритуальными и символическими смыслами, столь значимыми для вчерашних советских граждан. Обычные черно-белые кусочки бумаги вызывают ностальгические переживания не только у владельцев фотографий, но и у тех, кто когда-нибудь имел отношение к советскому образу жизни.

До сих пор во многих семьях сохранилась традиция показывать гостям свои домашние фотоальбомы с пояснением того, кто и почему изображен на фотографиях. В последние годы все чаще фотографии показывают не в бумажных альбомах, а на экранах мониторов или разнообразных гаджетов.

Советская свадьба – явление, привлекающее как ностальгирующих обывателей, так и исследователей разнообразных сторон советской культуры. Личная история «простого советского человека», встроенная в общий историко-культурный контекст Советского Союза, интересует не одно поколение гуманитариев [Гернер, 2012; Гудков, 2009; Левада, 2004]. А личная история советского человека, выраженная в семейных фотографиях, – то исследовательское поле, которое может открыть нам массу удивительных вещей о нас самих. Подобный сюжет был разработан в книге И. Нарского «Фотокарточка на память» [Нарский, 2008]. В своем исследовании он показал, в каких междисциплинарных плоскостях и контекстах можно рассматривать даже одну-единственную фотографию, извлекая на поверхность, казалось бы, совершенно неожиданные факты о культурных пластах конкретного снимка. Примерно в этом же направлении работают В. Круткин и О. Бойцова. Целый цикл их работ посвящен визуально-антропологическому исследованию современных семейных фотографий, где авторы детально препарировали их природу и содержание [Круткин, 2005; Бойцова, 2007].

В данной статье постараемся проследить, работают ли гипотезы этих авторов на новых источниках.

Если обратиться именно к содержанию семейных фотографий, праздникам, на них изображенных, то книга М. Рольфа «Массовые советские праздники» поможет нам увидеть любопытные процессы «одомашнивания» изначально официальных праздников в советской культуре [Рольф, 2009]. А исследование Е. Жидковой о формировании советской гражданской обрядности [Жидкова, 2012] несколько дополнит картину, которую я попытаюсь выстроить в этой статье.

«Проекция наших желаний...»

В настоящем исследовании меня интересуют советские свадебные фотографии 1980-х годов. Материал был собран в глубинке Пермского края – посёлке Гайны и городе Кудымкаре. Владельцам фотографий, восьми женщинам примерно 60 лет, предлагалось выбрать из своих фотоальбомов наиболее значимые, на их взгляд, свадебные фото. Под значимыми понимались фотографии, которые их владельцы считали наиболее выразительными, «приличными» и заслуживающими представления другим людям. Информанты выбирали именно те фотографии, которые стали для них «местом памяти», особым пространством для ностальгии. Как писал В. Круткин, «фотография – проекция наших желаний, наших удовольствий. Мы оставляем нравящуюся фотографию в своем архиве потому, что она имеет для нас смысл, если мы уничтожаем фотографию – то тем более она имела смысл» [Круткин, 2005, с. 126]. Было отобрано 23 фотографии. Мы обращались именно к женщинам, поскольку принято считать, что именно за ними исторически закреплена культурная функция хранения и демонстрации фотографий в семейном альбоме [Бойцова, 2007, с. 80]. Кроме того, в качестве источников было использовано 23 советские свадебные фотографии и репродукции картин с интернет-ресурсов.

Вслед за И. Нарским я предлагаю рассматривать фотографию как «фототекст», наполненный визуальными и вербальными кодами [Нарский, 2008, с. 3]. Под вербальным кодом понимается дискурс, сопровождающий фотоизображение. Если И. Нарский выстроил свое исследование вокруг одной фотографии, то я работаю с целым фотоальбомом, содержащим в себе множество явных и скрытых смыслов, отсылающих к содержанию позднесоветской культуры.

Как и других антропологов, работающих с фотоисточниками, меня интересует мнимая простота и очевидность фотографии [Нарский, Круткин, Бойцова, Романов, Ушакин, Ярская-Смирнова и др.]. Казалось бы, всё понятно. Вот мы видим на фотографиях свадебную церемонию, вот молодожены расписываются, вот отец невесты или жениха произносит тост. Но мы просматриваем множество семейных фотоальбомов и видим одни и те же сюжеты. Женщины – владелицы фотографий выбирают для автора статьи самые важные для них фотоснимки, и мы видим, что все они повторяются. Если мы посмотрим, скажем, свадебные фотографии французов или американцев, они будут сильно отличаться от советских снимков своими визуальными и

вербальными кодами [Бурдые, 1998]. И здесь важно ухватить то, что отделяет одну культурную общность от другой и закрепляет её ментальные структуры уже на уровне фотографии.

Свадебная церемония – один из наиболее устойчивых переходных ритуалов в жизни человека. Со временем во многих культурах меняется содержание, символическое, сакральное наполнение свадебного ритуала, но суть остается неизменной – переход человека из статуса неженатого мужчины/незамужней женщины в статус женатого мужчины/замужней женщины. К тому же, родственники молодоженов тоже переходят в новый, более зрелый, статус (свёкр, свекровь, тещь, теща и т.д.).

Что же представляет собой свадебная фотография с точки зрения визуального фиксирования ритуальных практик? Фото прерывает действие. Оно указывает только на момент, кажущийся человеку с фотоаппаратом знаковым. И поскольку фото осталось в альбоме, то это мнение разделяют и новобрачные (или их родственники). Под свадебной церемонией мы понимаем череду ритуальных актов, освященных традицией, неизменных, застывших во времени. Иначе говоря, фото есть адекватное изображение ритуала, но не как действия, а как жеста. Несколько фотографий передают последовательность жестов.

Свадебный альбом сохраняет в памяти церемонию как перечень знаковых актов, то есть фрагментов, объединенных их церемониальным высоким статусом, достойном запечатления. Между ними пропуск. Каждый акт взят в состоянии покоя, в точке замерзания. Точнее, условно извлечен из потока событий, из движения тел, речевых практик. То есть свадьбу как множество практик фотоальбом передать не может. Он изображает ее в виде неподвижных картинок. Вот эти картинки мы и подвергнем визуальному анализу. В фокусе исследования – застывшие образы торжественного акта, созданные группой людей – женихом, невестой, распорядителями свадьбы, свидетелями. Попробуем описать изобразительную поверхность ритуального акта; композицию, выражение лиц, одежду участников ритуала, фон. Затем попытаемся увидеть в них выражение культурных форм эпохи – статус свадебной церемонии в советской культуре, представление о праздничном поведении и убранстве, соединение традиционного и советского образа жизни.

Визуальные коды свадебной фотографии

После того как информанты выбрали фотографии, я разделила их на «ритуальные» и «спонтанные». Закономерно, что большая часть собранного фотоматериала состоит из «ритуальных» фотографий. В свою очередь, их снова можно разделить на две группы. Первая – это фотографии, запечатлевшие саму брачную церемонию (новобрачные стоят перед регистратором брака по время торжественной речи, подпись жениха, подпись невесты, подпись свидетелей, обмен обручальными кольцами, торжественный поцелуй и т.д.). Вторая группа фотографий представляет собой самостоятельный ритуал, «сакральное» фотографирование (общая фотография с родственниками мужа и жены, парная фотография жениха и невесты с цветами и (или) свидетельством о браке и т.д.).

XX век в России стал знаковым для свадебного ритуала не только формированием свадьбы «по-советски», но и массовым распространением практик фотографирования свадебной церемонии. Ритуалы перехода фотографируют прежде всего для сохранения памяти о прохождении конкретным человеком переходного ритуала и для документации получения им нового статуса [Бойцова, 2007]. Человек с фотоаппаратом постепенно становится важной фигурой на свадьбе: от него зависит, что и в каком виде будет запечатлено на плёнку. В период позднего социализма вместе со свадебным ритуалом вырабатывается определенный канон свадебных изображений, который принимают как *должное* и фотограф, и сами фотографируемые.

Во-первых, можно отметить типичное композиционное расположение фигур в кадре: стол регистратора слева и на первом плане, новобрачные справа, невеста всегда стоит по правую руку от жениха. Жених расположен ближе к зрителю, чем невеста. Если рассматривать фотографии молодоженов в окружении родственников, то обычный ракурс изображения – фронтальный или под небольшим углом. Молодожены стоят в центре, невеста справа от жениха, в ближнем кругу стоят родители и ближайшие родственники новобрачных.

Увиденное можно обозначить как визуальный код, в котором зашифрованы представления о том, как *должен* выглядеть торжественный акт, как сами люди *должны* выглядеть во время бракосочетания. К тому же, новобрачные должны быть полностью поглощены происходящим, не должно быть дистанции между ними и свадебным ритуалом. Почти на всех фотографиях момента

регистрации брака жених, невеста и свидетели имеют серьезное выражение лица. Позы новобрачных статичны и торжественны. Участники церемонии не смотрят в камеру, их взгляды направлены на регистратора брака, стоящую перед столом регистрации. Регистратором брака всегда является женщина солидного вида с серьезно-торжественным выражением лица (если фотография позволяет это увидеть).

Фотографии словно объясняют зрителю, как должен выглядеть «правильный» советский праздничный свадебный костюм. На всех фотографиях со свадебных церемоний 1980-х годов костюм невесты представляет собой закрытое белое платье простого покроя длиной в пол, по колено либо чуть ниже. На голове невесты обычно или фата, или шляпка, либо же гибрид того и другого. Фата разного размера, от короткой по длине, до плеч, или же до пола, что встречается реже. На некоторых фотографиях можно увидеть обувь невесты – явно еще не ношенные белые туфли или босоножки. Обязательный атрибут – букет цветов в руках невесты. Как пишут многочисленные сайты, посвященные воспоминаниям о советской культуре, самыми распространенными и, соответственно, наименее ценными в глазах потребителей цветами были гладиолусы. Выбор цветов зависел от двух равнозначных факторов – уровня достатка молодоженов и времени года. Свадьбы, нередко совершавшиеся в августе-сентябре, были поэтому украшены гладиолусами. Букет роз предьявлял высокий ранговый и экономический статус семьи [Воронцова-Юрьева, 2007].

Что касается жениха, его образ строг и торжественен за счет нового черного или серого костюма (пиджак и брюки) и белой рубашки. Обязателен галстук или же бабочка. С левой стороны пиджака обычно приколоты бутоньерка.

Для расшифровки визуального кода необходим небольшой исторический экскурс. Такой образ торжественного свадебного костюма сложился в 1970-е, когда качество жизни советских граждан изменилось в лучшую сторону. К тому же именно в эпоху «оттепели» свадебный обряд был реабилитирован государством в глазах советских граждан, став обрядом сугубо гражданским и общественно значимым. Вернулось и белое платье невесты, превратившись из подвенечного в свадебное [Жидкова, 2012]. Изначально белое подвенечное платье – атрибут свадьбы аристократической, дворянской. Здесь можно проследить обращение «народной» советской культуры к образцам дворянского образа жизни. Это может говорить о реализации скрытой потребности советского общества в обращении к исторически знакомым ему «престижным» моделям поведения.

На более ранних фотографиях советской свадьбы (география их обширна – г. Москва, Самара, Челябинск и т.д.), выложенных в интернете, можно увидеть, что молодожены обычно одеты повседневно и очень просто, если не сказать бедно, почти без каких-либо явных атрибутов свадебной церемонии. К тому же во время бракосочетания они сидят. Так, фотография начала 1960-х годов с ресурса «Made in СССР» [*Свадебные фотографии советского прошлого*, 2016] вызывает впечатление, что семейная пара прямоиком с работы быстро забежала в ЗАГС оформить свои отношения. Если обращаться к источникам советского периода, можно обнаружить прямую связь между визуальной составляющей фотографии и дискурсом, её сопровождающим. Например, Л. А. Тульцева писала, что «в соответствии идеям нового общественного устройства, новым отношениям между людьми, основанным на принципах коллективизма, гуманизма, интернационализма, нравственных формах коммунистической морали, необходимо было ломать патриархально-родовые, родоплеменные и феодальные отношения» [Тульцева, 1985, с. 5]. Подобные идеологические высказывания условно можно обозначить вербальным кодом в интерпретации свадебных фотографий советской эпохи. Следовательно, такое визуальное содержание фотографий должно было рассказать зрителю о равноправной, свободной и демократичной форме отношений между советскими мужчинами и женщинами, вступающими в брак. Помимо этого, все «дореволюционные» обряды перехода были подвергнуты критике и разрушению с целью уничтожения религиозной ментальности в «новом советском человеке». По этой причине свадебный обряд был реорганизован и максимально упрощен [Жидкова, 2012]. Читаем в агитационной брошюре времен первой пятилетки рассказ старого рабочего об очередной победе нового быта: «Когда прежде случалась свадьба, так народу собиралось полный коридор, ну, прямо яблоку упасть негде... А тут вот свадьба была, а в нашем уголке — вечер самодеятельности;

так там, на свадьбе-то, человек десять было, а у вас не меньше как семьдесят человек...» [Ермилов, 1930, с. 39].

Свадьба в поздней советской культуре

Уже в эпоху «оттепели» начинает формироваться советская культура нового типа [Паперный, 2006], с одной стороны, предполагающая более «буржуазный» подход к повседневности советского человека, а с другой – стремление к некоторой культурной инсценировке [Гофман, 2000] дворянского образа жизни. Речь идет о том, что в конце 1960-х годов советским государством были учреждены дворцы бракосочетания для воссоздания прежней торжественной обстановки во время брачной церемонии. Даже само слово «дворец» отсылает нас к придворной культуре. А если посмотреть на этикет, утвержденный и выработанный в процессе многочисленного заключения советских браков, то он очень напоминает этикет придворный. Набор строго определенных правил, включая одежду новобрачных, жесткий церемониал, торжественную обстановку, очень напоминает повседневную жизнь европейского придворного общества [Элиас, 2002].

К тому же, с точки зрения М. Рольфа, в это же время происходит явное смешение советской публичной и приватной праздничной культуры [Рольф, 2009]. В частности, меняется отношение государства, а затем и общества к содержанию брачной церемонии.

В этом ключе отдельного внимания заслуживает пост Н. Воронцовой-Юрьевой в «Живом журнале», посвященный даже не фотографиям советской свадьбы, а картинам на эту тему [Воронцова-Юрьева, 2007]. Работы, выполненные художниками в технике станковой живописи, представляют зрителю наиболее торжественные моменты свадебной церемонии 1960–1970-х годов. Эти картины по композиции и способам визуализации свадебной церемонии удивительно напоминают свадебные фотографии более позднего периода, что может свидетельствовать о сознательном переносе зрительных образов с одного материала на другой, гораздо более массового и тиражируемого характера. Как быстро и доступно рассказать миллионам советских граждан об утвержденных государством унифицированных правилах поведения на свадебной церемонии? Сделайте знаковые свадебные фотографии, растиражируйте их в газетах, журналах, и советские граждане незаметно для себя быстро освоят новые нормы и правила поведения при вступлении в брак «по-советски».

В 1960-е гг. содержание свадебной церемонии меняется: оно становится более торжественным, нарядным и регламентированным. Если обращаться к более широкому контексту, М. Рольф в своем исследовании массовых советских праздников отмечал, что «в 1960-е гг. наблюдался заметный рост партикулярных праздничных культур. Кроме того, празднования все больше перемещались в параллельно развивающуюся сферу частной жизни советских граждан. Наряду с официальными демонстрациями и коллективными народными гуляньями советский праздник все больше перемещался в небольшие компании близких людей, завоевывая частное пространство» [Рольф, 2009, с. 344].

На свадебных фотографиях эпохи «позднего социализма» среди праздничных торжественных атрибутов появляются «Советское шампанское» и шоколадные конфеты. Для фотографа и новобрачных становится важным запечатлеть образ торжественного ритуального распития «праздничного» алкоголя. Распространен и даже типичен сюжет фотографии, где новобрачные и их родственники произносят тост с шампанским в красивых бокалах, закусывая шоколадными конфетами. Если учитывать, что в СССР сложилась целая регламентированная праздничная культура распития «Советского шампанского», то подобные фотографии говорят нам о крайне высоком статусе свадебного обряда в советской иерархии праздников. Помимо свадьбы, легитимно употреблять шампанское можно и нужно было в Новый год, 8 Марта, по официальным датам [Богданов, 2012]. И здесь снова мы возвращаемся к тезису о культурной инсценировке, поскольку в царской России шампанское считалось напитком элитным, характерным для придворного образа жизни [Высочков, 2005]. Инсценировку придворного образа жизни в условиях советского товарного дефицита и плановой экономики можно условно назвать аристократизмом по-советски, что соответствует концепции статусного потребления.

Образцы аристократического поведения были заимствованы из экранизаций русской классики, исполненных на цветной киноплёнке: «Дворянское гнездо» – реж. А. Кончаловский (1969); «Война и мир» – реж. С. Бондарчук (1965–1967); «Рудин» – реж. К. Воинов (1977).

Польская актриса Беата Тышкевич, сыгравшая в «Дворянском гнезде» одну из главных ролей, вспоминала: «Съемки "Дворянского гнезда" продолжались довольно долго. Андрона заботила не столько фабула, сколько воспроизведение атмосферы жизни русской аристократии, гармонии человека с природой, поэтического настроения. Один из планов снимали при трех тысячах горящих свечей! В фильме я носила прекрасные туалеты и семейные драгоценности Натальи Кончаловской» [Тышкевич, 2007]. Именно кино давало советским гражданам образцы так называемого аристократического поведения – костюмов, ритуалов, даже поз.

Что касается шоколадных конфет, в 1970-х – начале 1980-х гг. они уже не были настолько дефицитным товаром, как в совсем недавнем прошлом. В царской России шоколадные конфеты всё же были атрибутом зажиточной жизни, а Советском Союзе в начале 1980-х гг. килограмм обычных шоколадных конфет стоил 3 с половиной рубля. Килограмм хороших, более качественных конфет стоил 5 рублей за один килограмм [Цены в СССР, 2012]. Но И. Сохань, описывая в своей книге гастрономические практики в условиях тоталитарного советского социального порядка, указывает на интересную дихотомию. Дореволюционное – неграмотное, нездоровое, некачественное. Советское – грамотное, здоровое, качественное [Сохань, 2011]. Соответственно, есть много шоколадных конфет, очень вкусных, но состоящих из сплошного сахара – несколько вредно для здоровья советского человека, который должен знать меру во всём. Поэтому, когда советские граждане едят шоколадные конфеты в большом количестве, это означает, что у них праздник. Причем, праздник не живота, а ритуала. Много об этом могут сказать существующие до сих пор советские традиции раздачи детям сладких наборов на Новый год и массовой покупки конфет мужчинами в подарок женщинам на 8 Марта. Шоколадные конфеты определенных марок (к примеру, «Мишка на севере», «Белочка») снова становятся атрибутом роскошной жизни, но уже с советским оттенком.

Вследствие сочетания такого культивируемого аристократизма по-советски и «разорванной» повседневности советская свадьба ввиду своего исключительного статуса наделялась исключительными гастрономическими празднично-торжественными атрибутами, к тому же специально помещенными в кадр.

Ищем идентичность...

Обратимся к более широкому контексту, заключенному в визуальном содержании советских свадебных фотографий. На основе рассмотренного материала возникает вопрос, почему же для советских молодоженов настолько важно соблюдать нормы поведения во время свадебной церемонии? И почему для советских граждан настолько важно быть запечатленными на фотоснимках именно в таких позах, нарядах и ритуальных жестах? По словам В. Круткина, «человеческое Я складывается не только через нарративные повествования "о себе", но и через визуальные предьявления "себя". Идентичность – это переживание личностью своей социальности, сохранности своего Я. Индустриальное общество в альбомах своих членов демонстрирует широкий спектр и многообразие форм идентичностей» [Круткин, 2005, с. 124]. В нашем случае мы имеем дело с идентичностью советских людей. Можно говорить о процессе самоидентификации индивида, его попытке максимально вписаться в общий социальный порядок, делающий его благополучным советским гражданином.

В качестве визуального кода фотографии демонстрируют нам практики самоидентификации, к которым прибегал советский человек в момент своего бракосочетания. Для этого необходимо было соблюдать конкретные нормы поведения, гласно и негласно закрепленные в позднесоветской культуре. Советский гражданин четко представлял себе, что самые важные моменты свадебной церемонии будут сфотографированы. Затем, после технически сложной процедуры проявки фотографии, будут торжественно вложены в специально купленный или подаренный семейный альбом и станут «местом памяти», сакральным предметом для презентации гостям своей «правильной» простой советской семьи, прошедшей через необходимые ритуалы. Еще П. Бурдьё считал, что постановочные групповые свадебные фотографии служат задачам конструирования групповой и семейной идентичности [Bourdieu, 1990].

Возвращаясь назад, можно предположить, что эти конкретные нормы поведения, закрепленные за женихом и невестой, основаны на позднесоветских представлениях о смысловом содержании статуса людей, вступающих в брак. Еще с 1918 г. религиозный смысл «старого» свадебного обряда сменился гражданским. По замечанию Жидковой, «создание новой гражданской

обрядности, которая могла бы заменить и вытеснить религиозную обрядность, растянулось на несколько десятилетий Советской власти» [Жидкова, 2012, с. 408]. В 1960-е гг., благодаря обновленной системе ЗАГСов и созданию Дворцов бракосочетаний, пафос церемонии христианского венчания окончательно сменился на пафос официальной гражданской церемонии.

С одной стороны, мы имеем дело с внерелигиозным характером советской культуры, а с другой, возможно, – с тоталитарным (авторитарным) подходом к повседневной жизни советского человека. Такую дихотомию можно отнести не только к пище, гастрономическим практикам, но и ко всему советскому образу жизни. В нашем случае к свадьбе, то есть, советская свадебная церемония – это демонстрация правильного, образцового поведения советских граждан.

Постепенно складывается такая ситуация, что в момент бракосочетания советский человек находится на вершине своего гендерного статуса. Скорее всего, в идеале один раз в жизни, именно в этот момент на жениха и невесту обращено пристальное внимание как государственных органов (ЗАГС, партийные работники), так и самого широкого круга родственников, друзей и знакомых. Вряд ли в позднесоветской культуре еще найдется обряд, настолько объединяющий публичную и приватную сферы жизни человека. С одной стороны, советский гражданин, вступающий в брачные отношения, выполняет свой гражданский долг. С другой стороны, этот же советский человек, заключающий брак, создаёт семью в житейском понимании этого слова. И то и другое является максимально одобряемым поведением советского человека, квинтэссенцией того, чего ожидает от него общество.

Следовательно, в фокусе такого максимального внимания человеку, вступающему в брак, необходимо выглядеть и вести себя «прилично» со всех точек зрения, поскольку все взгляды устремлены на него. Как простому советскому гражданину выглядеть максимально торжественно и серьезно – можно подглядеть на фотографиях официальных советских лиц или агитационных плакатах с их изображениями. Обязательные атрибуты такого официального лица – пиджак, рубашка, галстук, серьезное, торжественное выражение лица, статичная поза.

Все перечисленное может говорить о высшей степени иерархичности свадьбы в системе советских праздников. И эта высшая ступень в иерархии советских праздников по своему содержанию становится культурной инсценировкой, так называемым советским аристократизмом. Скрытое обращение к образам высокой дворянской культуры, их стилизацию под специфические условия советской действительности мы и можем разглядеть на фотографиях советской свадьбы эпохи «позднего социализма».

Подведем итоги

Фотографии, собранные в российской глубинке, рассказывают интересные личные истории, очень важные для их владельцев. На фотоснимках мы видим события, сохранившиеся в памяти людей и подходящие для презентации себя и своей семьи. Иными словами, в данном исследовании я работала с группой фотографий, содержащей в себе множество явных и скрытых смыслов, отсылающих к содержанию позднесоветской культуры. Эти смыслы находятся на грани публичного и частного, коллективного и индивидуального. В фотографиях запечатлелось несколько культурных кодов. Во-первых, это код праздничный, говорящий о том, как должны выглядеть люди в момент торжественного акта. Во-вторых, настоящий праздник – это праздник дворянский. Мы извлекли на поверхность такие атрибуты аристократического образа жизни, как дворец (бракосочетаний), жесткий церемониал, этикет, шампанское. Напомним, что подобные образцы поведения советские граждане заимствовали из кинематографа. Кроме того, дворянский праздник – это праздник светский, что мы и видим на фотографиях.

Далее, можно отметить смешение культурных кодов. Традиционный-религиозный код смешался с дворянско-светским. Выражается это в самой процедуре заключения брака, внешне сугубо светской, но трансформированной из церковного ритуала венчания. Место священника теперь занимает работник ЗАГСа, а обмен кольцами и белое (либо светлых тонов) платье невесты теряют прежние смыслы.

В итоге мы видим, что система совершенно разных координат формирует образ свадьбы как некоего важного события. Событие это презентационное, но длится очень короткий отрезок времени и представляет собой одномоментный акт, который необходимо запечатлеть в памяти. Здесь на помощь приходит свадебный фотограф, четко представляющий себе, что и как должно быть изображено на фотографии. Свадьба – это праздник, к которому всегда полагается возвращаться в

своих воспоминаниях – перед гостями, родственниками, перед самими собой, по памятным датам. С момента своего изобретения фотография – не только самый верный способ «взять с собой» этот праздник, но и «фототекст», содержащий в себе ценностный мир определенного сообщества. Можно утверждать, что эти фотографии так важны для своих владельцев, поскольку на них они изображены на «авансцене», на пике своего гендерного статуса – молодыми, красивыми, «приличными». Советские свадебные фотографии по своей сути – демонстрация успешного прохождения переломного этапа в жизненном сценарии «простого» советского человека. Если сравнить их с фотографиями постсоветского периода, 2000-х годов, мы увидим абсолютно иную визуальную составляющую. Ритуалы бросания букета и подвязки невесты, выездные церемонии, театрализации и т.д. становятся новыми визуальными кодами в свадебных фотографиях. Но это уже тема следующей статьи.

Библиографический список

- Bourdieu P.* Photography: A Middle-brow Art. Oxford: Polity Press, 1998. 234 с.
- Богданов К.* Советское шампанское: праздничная история // Антропологический форум. 2012. №16. С. 367–378.
- Бойцова О.* Роль фотографии в современном городском свадебном обряде // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. Саратов, 2007. С. 78–101.
- Визуальная антропология: настройка оптики / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2009. 294 с.
- Воронцова-Юрьева Н.* Советская свадьба. URL: <http://vorontsova-nvu.livejournal.com/270954.html> (дата обращения: 10.06.2017).
- Высочков Л. В.* Шампанское в культуре Петербурга в XIX — начале XX в. // Петербург в мировой культуре: сб. статей. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. С. 147–155.
- Гернер К., Хедлунд С.* Рациональность советского человека // Гефтер. 24.07.12. URL: <http://gefter.ru/archive/5466> (дата обращения: 06.08.2014).
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. ст. А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 304 с.
- Гудков Л.* Условия воспроизводства «советского человека» // Полит.ру. 10.11.2009. URL: <http://polit.ru/article/2009/11/10/sovhuman/1345550804000/> (дата обращения: 15.08.2017).
- Ермилов В.* Быт рабочей казармы. М.; Л.: Госиздат, 1930. 63 с.
- Жидкова Е.* Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной // Государство, религия, Церковь. 2012. № 3–4. С.408–429.
- Интересно о советских свадьбах и свадебных традициях // За городом. URL: <https://ribalych.ru/2014/05/28/interesno-o-sovetskix-svadbax-i-svadebnyx-tradicijax/> (дата обращения: 10.06.2017).
- Круткин В. Л.* Антропологические основания фотографического опыта // Вестник Удмуртского университета. 2005. № 2. С. 119–130.
- Левада Ю.* «Человек советский» / публичные лекции на «Полит.ру». URL: <http://polit.ru/article/2004/04/15/levada/> (дата обращения: 15.04.2014).
- Нарский И. В.* Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (автобио-историко-графический роман). Челябинск: Энциклопедия, 2008. 516 с.
- Паперный В.* Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 408 с.
- Рольф М.* Советские массовые праздники / пер. с нем. В. Т. Алтухова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 439 с.
- Свадебные фотографии советского прошлого // Made in СССР. URL: <https://www.micssr.com/swadebnije-foto-is-ccsr/> (дата обращения: 10.06.2017).
- Свадьба в СССР – подборка фото // Mylitta. URL: <https://mylitta.ru/1054-soviet-wedding.html> (дата обращения: 10.06.2017).
- Семейные узы: модели для сборки: в 2 кн. / сост. и ред. С. Ушакин. М.: НЛЮ, 2004. 640 с.
- Сохань И.* Тоталитарный проект гастрономической культуры (на примере Сталинской эпохи 1920–1930-х гг.). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2011. 232 с.

Тулъцева Л. А. Современные праздники и обряды народов СССР. М.: Наука, 1985. 191 с.
Тышкевич Б. Не всё на продажу. Воспоминания актрисы // Искусство кино. 2007. №8. URL: www.kinoart.ru/archive/2007/08/n8-article17 (дата обращения: 15.09.2017).
Цены в СССР. URL: <http://mgsupgs.livejournal.com/781597.html> (дата обращения: 18.08.2017).
Элиас Н. Придворное общество. М., 2002. 369 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 09.09.2017

ARISTOCRATISM IN THE SOVIET STYLE, OR WEDDINGS PHOTOS THROUGH HISTORICAL AND ANTHROPOLOGICAL LENSES

M. M. Chudinova

Perm State University, Bukirev str., 15, 614990, Perm, Russia
mari-marchi@rambler.ru

The author works with wedding photos of the 1980s, aiming at analyzing them from the historical and anthropological point of view. As a methodological basis for the research, the author relies on the work “A Picture for Memory: Family Histories, Photographic Messages and the Soviet Childhood” by Igor Narskiy. In this regard, each photo is understood in the article as a “photo text”, consisting of a system of visual and verbal codes that require decoding. According to the author, the decoding of the “phototext” makes it possible to extract a number of explicit and hidden meanings from the “body” of photographs that refer to the content of the late Soviet culture. With the help of visual analysis, the author analyzes the content of the photographs: the clothes of the newlyweds, their poses, facial expressions, wedding attributes, background, etc. Then, to understand the cultural meanings embedded in the images, a short historical digression is given, explaining the reasons for the formation of the Soviet wedding ceremony of a new type and the attendant changes in the ritual behavior, dress and self-presentation of the newlyweds in the late 1960s. On the basis of this excursion, the author singles out visual codes, in which the idea of how a solemn act should look like and how the people should look during the marriage, is encrypted. This can speak of the highest degree of hierarchy of the “new” wedding ceremony in the system of the Soviet holidays. The author concludes that the Soviet wedding photographs are inherently a demonstration of the successful passage of a turning point in the life scenario of a “simple Soviet man”. Based on the deciphered visual codes, the wedding of the era of the “late socialism” is, in its content, nothing less than a cultural dramatization, the so-called aristocracy in the Soviet way. In the author's opinion, the examples of this behavior were borrowed from Russian classical literature and its adaptations in the Soviet cinema.

Key words: aristocratism in the Soviet style, photography, wedding, visual, verbal code.

References

- Bogdanov, K. (2012), “Soviet champagne – festive history”, *Antropologicheskij forum*, №16, p. 367–378.
Boitsova, O. (2007), “The role of photography in the modern city wedding ceremony”, in *Vizual'naya antropologiya: novye vzglyady na sotsial'nuyu real'nost'* [Visual anthropology: new views on social reality], Nauchnaya kniga, Saratov, Russia, p. 78–101.
Bourdieu, P. (1998), *Photography, A Middle-brow Art*, Polity Press, Oxford, UK, 234 p.
Elias, N. (2002), *Pridvornoe obshchestvo* [The court society], Moscow, Russia, 369 p.
Ermilov, V. (1930), *Byt rabochei kazarmy* [Life of the working barrack], Gosizdat, Moscow, USSR, 63 p.
Gerner, K., Khedlund, S. (2012), *Ratsional'nost' sovetskogo cheloveka* [Rationality of the Soviet man], available at: <http://gefter.ru/archive/5466> (accessed 06.08.2014).
Gofman, I. (2000), *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni* [Introducing yourself to others in everyday life], Kanon-Press, Kuchkovo pole, Moscow, Russia, 304 p.
Gudkov, L. (2009), *Usloviya vosproizvodstva “sovetskogo cheloveka”* [Conditions for the reproduction of Soviet people], available at: <http://polit.ru/article/2009/11/10/sovhuman/1345550804000> (accessed 15.04.2014).
Interesno o sovetskikh svad'bakh i svadebnykh traditsiyakh [Interesting about Soviet weddings and wedding traditions], available at: <https://ribalych.ru/2014/05/28/interesno-o-sovetskix-svadbax-i-svadebnyx-tradiciyax> (accessed 10.06.2017).
Krutkin, V.L. (2005), “Anthropological foundations of photographic experience”, *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, № 2, p. 119–130.
Levada, Yu. (2004), *“Chelovek sovetskij” – publichnye leksii na “Polit.ru”* [“The Soviet man” - public lectures on “Polit.ru”], available at: <http://polit.ru/article/2004/04/15/levada/> (accessed 15.04.2014).
Narskiy, I. (2008), *Fotokartochka na pamyat': Semeynye istorii, fotograficheskie poslaniya i sovetskoe detstvo (avtobio-istorio-graficheskij roman)* [Picture for memory: Family stories, photographic messages and Soviet childhood (autobio-historical-graphic novel)], Entsiklopedija, Chelyabinsk, Russia, 516 p.

- Papernyy, V. (2006), *Kul'tura Dva* [Culture Two], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 408 p.
- Rol'f, M. (2009), *Sovetskie massovye prazdniki* [Soviet mass holidays], ROSSPEN: Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina, Moscow, Russia, 439 p.
- Sohan', I. (2011), *Totalitarnyy proekt gastronomicheskoy kul'tury (na primere Stalinskoy epohi 1920–1930-h gg.)* [The totalitarian project of gastronomic culture (on the example of the Stalin era 1920-1930-ies.)], Izd-vo Tomsk. un-ta, Tomsk, Russia, 232 p.
- Svad'ba v SSSR – podboroka foto* [Wedding in the USSR – a selection of photos], available at: <https://mylitta.ru/1054-soviet-wedding.html> (accessed 10.06.2017).
- Svadebnye fotografii sovetskogo proshlogo* (2016) [Wedding photos of the Soviet past], available at: <https://www.micccp.com/swadebnije-foto-is-cccp/> (accessed 10.06.2017).
- Tseny v SSSR* (2012) [Prices in the USSR], available at: <http://mgsupgs.livejournal.com/781597.html> (accessed 18.08.2017).
- Tul'tseva, L.A. (1985), *Sovremennye prazdniki i obrjady narodov SSSR* [Modern holidays and ceremonies of the peoples of the USSR], Nauka, Moscow, USSR, 191 p.
- Tyshkevich, B. (2007), *Ne vse na prodazhu. Vospominaniya aktrisy* [Not everything is for sale. Memories of the actress], available at: www.kinoart.ru/archive/2007/08/n8-article17 (accessed 15.09.2017).
- Ushakin, S. (2004), *Semeynye uzy: modeli dlya sborki* [Family ties: models for assembly], NLO, Moscow, Russia, 640 p.
- Vorontsova-Yur'eva, N. (2007), *Sovetskaya svad'ba* [The Soviet wedding], available at: <http://vorontsova-nvu.livejournal.com/270954.html> (accessed 10.06.2017).
- Vyskochkov, L.V. (2005), “Champagne in the culture of St. Petersburg in the XIX - early XX century”, in *Petersburg v mirovoi kul'ture* [Petersburg in the world culture], Izdatel'stvo St. Peterburgskogo universiteta, St. Petersburg, Russia, p. 147–155.
- Yarskaya-Smirnova, E., Romanov, P., (2009), *Vizual'naya antropologiya: nastrojka optiki* [Visual anthropology: optics setting], Variant, CSPGI, Moscow, Russia, 294 p.
- Zhidkova, E. (2012), “The Soviet civil ritual as an alternative to the ritual of religious”, *Gosudarstvo, religiya, tserkov'*, № 3–4, p. 408–429.